
DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-321-354

УДК 812.161.1

Неизданная статья С.Н. Дурылина о стихотворении П.А. Вяземского «Орфографическое замечание»*

© 2018, С.И. Панов

Аннотация: В публикации рассматривается неизданная статья С.Н. Дурылина, посвященная стихотворению П.А. Вяземского. Редакции ее текста и история работы над ней позволяют отчасти реконструировать исследовательские методы Дурылина-литературоведа: внимание к историческому и биографическому контексту в сочетании с пристальным анализом художественного текста. Тот факт, что эта написанная в 1929 году статья осталась неизданной, свидетельствует об определившихся в 1930–1950-е приоритетах публикационной политики советских научных и историко-культурных изданий.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин, П.А. Вяземский, А.О. Смирнова (Россет), история русской литературы, научное наследие, архивные публикации

Информация об авторе: Сергей Игоревич Панов, канд. филол. наук, ст. научн. сотрудник ИМЛИ РАН, Россия

E-mail: litfact@gmail.com

Цитирование: *Панов С.И.* Неизданная статья С.Н. Дурылина о стихотворении П.А. Вяземского «Орфографическое замечание» // Литературный факт. 2018. № 10. С. 321–354

* Работа выполнена в рамках проекта «С.Н. Дурылин – историк литературы: От “Мусажета” до Академии наук СССР. (Новые материалы)», поддержанного РФФИ (проект № 18-012-00746).

Двухлетнее пребывание С.Н. Дурылина в Москве (1925–1927) между двумя ссылками было творчески насыщенным. Он ближе сходитя с людьми чисто научного круга, активно участвует в работе ГАХН, где делает более полутора десятков докладов¹, в меру возможности работает в библиотеке и рукописном отделении Румянцевского музея. Реализуя в докладах и статьях ряд своих прежних замыслов (о поэзии символизма и русских символистах, Гоголе и др.), он пишет и цикл статей о Достоевском (тоже были прочитаны в ГАХН, но из трех работ опубликована лишь одна), а также увлекается, по всей видимости, новой для себя фигурой — Петром Андреевичем Вяземским². Впрочем, применительно к Дурылину говорить о его выходе на «новые» темы можно лишь весьма условно: феноменальная память позволяла ему годами и десятилетиями накапливать прочитанное, осмысляя и систематизируя «про себя». В молодости Дурылину, поклоннику Лермонтова, поэзия Вяземского вряд ли была близка, и требовался какой-то толчок, импульс для сближения.

С большой долей уверенности можно предположить, что таким толчком стало проживание бесприютного в эти московские годы Дурылина в Мураново у Тютчевых. В 1924 г. внук поэта Н.И. Тютчев был назначен хранителем и директором учрежденного в усадьбе музея, где и приютил Дурылина, взявшего себя за домашнего учителя тютчевских племянников Пигаревых³. В богатой усадебной библиотеке Дурылин с увлечением читает тома 12-томного «Полного собрания сочинений кн. П.А. Вяземского». О произведенном впечатлении говорит тот факт, что уже из томской ссылки, намечая круг чтения для своей близкой приятельницы Е.В. Гениевой, которая на лето 1928 г. сняла комнаты у Тютчевых в Мураново, Дурылин особо выделяет стихи Вяземского и его «Старую записную книжку» (оговаривая: «в собр[ании] соч[инений], к[оторо]го нигде не достанете»)⁴. Дурылин стал и основным участником предпринятого Н.И. Тютчевым на базе музея научного историко-литературного издания — «Мурановских сборников», для единственного вышедшего он подготовил три материала, в том числе связанные с Вяземским. Кроме того, в семейном архиве Тютчевых нашелся любопытный автограф

¹ См.: *Богомолов Н.А.* Из комментаторских заметок. 4. К публикации статей С.Н. Дурылина о символизме // *Литературный факт.* 2017. № 4. С. 278.

² Вяземского Дурылин не раз будет вспоминать и в тетрадах «В своем углу»; см.: *Мотейонайте И.В.* Поэты «Арзамаса» в осмыслении С.Н. Дурылина: В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский как литераторы // *Литературное общество «Арзамас»: история и современность.* Арзамас; Нижний Новгород: Растр, 2015. С. 368–376.

³ См.: *Гончарова Т.П.* С.Н. Дурылин в Мураново // С.Н. Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / Сост., ред. А.И. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 84–100.

⁴ «Я никому так не пишу, как Вам...»: Переписка С.Н. Дурылина и Е.В. Гениевой. М.: Центр книги Рудомино, 2010. С. 218.

Вяземского — стихотворение «Орфографическое замечание», которого не было в собрании сочинений. Его комментирование тоже взял на себя Дурьлин — для следующего сборника.

Замысел подготовить публикацию стихов Вяземского едва не перечеркнул арест Дурьлина летом 1927 г. — по обвинению в контрреволюционной пропаганде («пропагандировал некоторые моменты из учения Розанова»). В конце года он был сослан в Томск под гласный надзор ОГПУ. Стихи Вяземского остались в Мураново, Дурьлин не успел даже списать их. Но Н.И. Тютчев, выпустив в начале 1928 г. первый сборник (уже в верстке имя Дурьлина пришлось обозначить лишь инициалами: С.Д.), сразу же приступил к составлению второго, рассчитывая и на публикации Дурьлина. По предварительной договоренности, Дурьлин брался приготовить развернутый обзор «Тютчев в музыке», а также комментированную публикацию стихотворения Вяземского.

Точную копию текста стихотворения для него подготовил Кирилл Пигарев в феврале 1928⁵, а 24 марта Тютчев сообщал «легенду» этого автографа: «Автограф стихотворения Вяземского, вероятно, принадлежал моей бабушке С.Л. Путяте, т.к. я нашел его среди других бумаг С.Л., после смерти моей матери. У Н.В. Путяты с Вяз[емским] и Смирновой близких отношений не было — у С.Л. до ее замужества могли быть с В[яземским] более близкие отношения через Боратынского, или С.Л. могла его получить от Бор[атынского]. Вот все, что я могу Вам по этому поводу сказать»⁶.

Той же весной, подступаясь к комментированию стихов Вяземского, Дурьлин наводит контрольные справки и обращается к И.Н. Розанову, знатоку поэзии XIX века («вероятно, только Вы во всей России можете мне помочь»): «Дело вот в чем: в бумагах С.Л. Энгельгардт (свояченицы Боратынского) удалось обнаружить ст[ихотворен]ие Вяземского “Орфографическое замечание”, обращенное к А.О. Россетти. [...] Всего 8 строф. Сколько я помню, в Собр. сочин. Вяземского НЕТ этого стихотворения, и я его — опять же, сколько помнится, — не встречал и в альманахах пушкинской поры. (Дата его ясна: оно не может быть позднее 1832 г. — года выхода Россетти за Смирнова.) Но все-таки берет сомнение: “а ну, как оно было уже в печати?”»⁷

Но в течение года — с весны 1928 по весну 1929-го — приоритетным научным занятием Дурьлина был иной сюжет, связанный с Вяземским: он писал большую работу об общественной позиции поэта, его связях

⁵ См. письма Н.И. Тютчева Дурьлину от 21 января и 24 февраля 1928: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед.хр. 845. Л. 7–7 об., 8–8 об.

⁶ Там же. Л. 10–10 об.

⁷ РГБ. Ф. 653. Карг. 37. Ед.хр. 20. Л. 12.

с декабристской и около декабристской средой. Удача: в томской библиотеке, куда ссыльный Дурылин даже пытался определиться на службу, оказались издания переписки Вяземского и тома его собрания сочинений (которого «нигде не достать»), причем цензурные экземпляры, в том числе уникальный 9-й том первого набора, из которого цензором были исключены «фрондерские» пассажи. Такая находка и стала толчком к большой работе о политической позиции Вяземского. Первый ее вариант был послан Н.И. Тютчеву весной 1929 г., а спустя три года статья вышла (под псевдонимом) в ленинградском сборнике⁸. После завершения «Декабриста без декабря» Дурылин быстро дооформил свое исследование о стихотворении Вяземского. Предполагавшийся комментарий к публикации стихов вырос в пространную статью.

29 июня 1929 г. Н.И. Тютчев делился впечатлениями от полученной статьи: «Дорогой Сергей Николаевич, на днях отправил Вам открытку, чтобы известить Вас о получении рукописи. — Теперь же хочу Вас поблагодарить за превосходную статью, которую мне хочется даже назвать блестящей. Она интересна, *элегантна* и оригинальна, т.к. это совершенно новая форма, в которую Вы облекли комментарий к стихотворению Вяземского. Конечно, она не заслужит со стороны Переверзева такой рецензии, какой удостоилась Ваша книга о Гоголе, — но тем хуже для него (т.е. Перев[ерзева]). Если Вы мне разрешите, то я Вам сделаю маленькое замечание (решаюсь это сделать, т.к. все читавшие Вашу статью и очень ее одобрявшие, находят то же, что и я): не слишком ли часто Вы повторяете такие *замечательно удачные* выражения, как напр. “верному даннику”, “единоверие” — от такого частого повторения несколько ослабевают впечатление, произведенное этими удачными выражениями. Если Вы со мной согласитесь, то Вы всегда успеете в корректуре заменить их кое-где другими выражениями»⁹.

Мнение одного из первых читателей этой работы и сейчас кажется во многом точным. Отмеченное изящество формы изложения, вероятно, определялось тем стремлением Дурылина больше писать о «стихах», чем об «идеях», которое он в это же время так сформулировал в письме к своей confidentке Е.В. Гениевой от 23 февраля 1928 г.: «Вот отчего я предпочитаю теперь говорить чистое и честное слово о слове — о поэтике Пушкина, Лерм[онтова], о новом стихотворении Вяземского (Тют-

⁸ Кутанов Николай [= Дурылин С.Н.]. Декабрист без декабря // Декабристы и их время. Л.: Общество политкаторжан, 1932. Т. 2. С. 201–290.

⁹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед.хр. 845. Л. 21–21 об. Речь идет о рецензии В.Ф. Переверзева (Печать и революция. 1929. № 4. С. 122) на подготовленную Дурылиным книгу: Из семейной хроники Гоголя. Переписка В.А. и М.И. Гоголь-Яновских. Письма М.И. Гоголь к Аксаковым. М.: ГАХН, 1928. 111 с. В письмах родителей, по мнению рецензента, отражался социальный генезис Гоголя-художника.

чевы прислали мне сюда для комментирования новооткрытое чудесное ст[ихотворен]ие В[яземско]го к Россетти), а о Ф[ёдорове] и Т[олстом] говорить бы не стал. Истина, в конце концов, самый нелюбопытный и редкий объект слова в наши дни»¹⁰. Конечно, тут с горечью говорится и о «подцензурности» возможных в советских условиях работ, но все же чувствуется и искренняя увлеченность чисто литературным сюжетом.

В статье о стихотворении Вяземского Дурьлин демонстрирует уже определившийся к тому времени свой подход к анализу литературных произведений. В самом общем виде он может быть определен как стремление истолковать текст (и отдельные его элементы) в соотношении с бытовой и (что важнее) психологической ситуацией автора, проследить эволюцию определенных художественных мотивов, образов и приемов в различных произведениях писателя. Причем конкретная ситуация и связанная с ней психологическая мотивировка, по мнению Дурьлина, находят непосредственное отражение в художественном тексте — можно сказать, он «верит» тексту, склонен порой даже чересчур буквально принимать слова писателя.

Эти особенности исследовательской манеры отчетливо видны в предшествующей большой работе Дурьлина — о Достоевском, статье «Монастырь старца Зосимы. (К вопросу о творческой истории I, II и IV книг “Братьев Карамазовых” Достоевского)» (1927)¹¹. Изучение эволюции тем и образов романов помещено Дурьлиным в плотный контекст жизненных обстоятельств Достоевского, с биографическими уточнениями и «открытиями», первоначальная задача комментария конкретного художественного топоса вырастает в подробный очерк отношения Достоевского к Оптиной пустыни и ее старцам. В тексте романа Дурьлин пытается увидеть почти «фотографическое» отражение оптинских реалий, вплоть до мелких деталей. В собственном письме он использует тот же прием последовательного повтора выразительных формул, за злоупотребление которым в статье о стихах Вяземского Дурьлину выговаривал Н.И. Тютчев.

Важной особенностью работы Дурьлина является настойчивое стремление охватить по возможности весь круг необходимых источников, исчерпывающе собрать фактический материал. «Эlegantная» по стилю изложения статья строится академически скрупулезно. Дурьлин в совершенстве владеет библиографической эвристикой, умеет находить нужные данные в старых журналах, в редких изданиях. Кроме планомерно накапливаемых подготовительных материалов его выручала даже

¹⁰ «Я никому так не пишу, как Вам...» С. 160.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед.хр. 29. Эта неизданная статья С.Н. Дурьлина в настоящее время подготовлена к печати нами с И.В. Мотенойгае.

в сложных условиях жизни ссыльно-поселенца феноменальная память. Из Томска и Киржача он может свободно слать коллегам указания, где посмотреть документы, письма и мемуары по интересующим их темам, в каких московских музеях и частных коллекциях найти иллюстративный материал. Эти способности в полной мере проявились при подготовке Дурылиным в 1931–1932 гг. огромного по объему и сверхнасыщенного материалом исследования «Русские писатели у Гете в Веймаре»¹².

Знакомство с новыми материалами заставляло Дурылина дважды возвращаться к тексту статьи об «Орфографическом замечании» Вяземского, внося в вариант 1929 г. существенные уточнения. Первая большая правка была вызвана выходом нового издания мемуарных текстов героини стихов и статьи — А.О. Смирновой-Россет. Л.В. Крестова, приготовившая в 1929 г. переиздание ее «Записок» по книге, выпущенной дочерью мемуаристки Ольгой Смирновой в 1894 г., обнаружила автографы воспоминаний, представляющие собой совершенно иное произведение. На их основе Л.В. Крестова вскоре составила новую книгу Смирновой-Россет, озаглавив ее «Автобиография. (Неизданные материалы)» (1931)¹³. На склоне лет мемуаристка описывает свои беседы с Н.Д. Киселевым («Баденский роман»), полные воспоминаний о ее молодости, о поклонниках, посвящавших ей стихи; одно из главных мест в ее беллетризованных воспоминаниях занимает Вяземский. Эти материалы, не меняя концепции и общего построения статьи Дурылина, были им учтены в целом ряде вставок, иногда занимавших до двух страниц.

Вторая находка, не потребовав столь обширного цитирования и пересказа, заставила внести существенные содержательные исправления в статью. Первоначально Дурылин склонен был датировать стихотворение Вяземского близко к верхней границе возможного — 1831 г., и строил на этом ряд хронологических выкладок и рассуждений. Обнаружение письма П.А. Плетнева 1829 г. с упоминанием о стихотворении перевернуло картину. Одновременно пришлось провести дополнительную ревизию датировки стихов А.С. Хомякова, уточнив биографический контекст. С самого начала не доверяя установившейся (на основании письма отца Хомякова от начала 1832 г.) дате «1832», теперь Дурылин сдвигает ее не на год, а на три назад¹⁴. При этом стихотворную переключку Вяземского

¹² Литературное наследство. М., 1932. Т. 4-6. С. 81–504.

¹³ См. подготовленное С.В. Житомирской новое издание части этого рукописного комплекса в серии «Литературные памятники»: *Смирнова-Россет А.О.* Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989.

¹⁴ Вне зависимости от аргументов Дурылина традиционная дата не вызывает доверия, хотя до сих пор принята в научных изданиях (см.: *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы / Под ред. Б.Ф. Егорова. Л., 1969) и не оспаривается биографами поэта (см. подробно: *Кошелев В.А.* Алексей Степанович Хомяков. М.: НЛЮ, 2000. С. 150 и др.). Единственный известный нам случай отказа от этой датировки:

и Хомякова он трактует слишком буквально — вряд ли этот аспект его статьи убедителен.

Промежуточный вариант работы Дурьлин предложил в новое историко-литературное издание — сборники «Звенья», с редактором которых В.Д. Бонч-Бруевичем у него наладилось тесное сотрудничество. 2 февраля 1933 г. Дурьлин писал ему: «Жду от Вас решения судьбы моих “Тютчева и Гете” и “Вяземского и Смирновой”. Пожалуйста, уведомьте меня о Вашем решении: попадут ли они в 5 сборник?»¹⁵ (л. 4) В редакции «Звеньев» рукопись залежалась на три года, только 23 ноября 1936 г. Бонч-Бруевич сообщал: «...сегодня заказной бандеролью мы высылаем Вашу статью “Стихи П.А. Вяземского к А.О. Россет” на просмотр: сделайте нужные дополнения, а также было бы хорошо, если бы Вы несколько сократили ее». Дурьлин приступил к окончательной переработке статьи, но не спешил, и редактор спустя полгода торопил его: «Также Вы упорно не отвечаете на мои запросы по поводу Вашей статьи “Стихи Вяземского к Россет” — в каком она у Вас положении?» (21 мая 1937)¹⁶. Промедление оказалось для судьбы публикации фатальным: выход сборников «Звенья» на полтора десятилетия (1936–1950) прекратился; в послевоенные выпуски 8, 9 статья Дурьлина не вошла, не значится она и в содержании невышедшего до войны сборника 7 (неполная верстка которого хранится в Рукописном отделе Гослитмузея).

Когда в 1949–1950 гг. «Литературное наследство» задумывает новый пушкинский том (вышел как «сборный» т. 58: «Пушкин. Лермонтов. Гоголь», 1952), Дурьлин посылает свою старую статью И.С. Зильберштейну. 25 июля 1951 г. тот сообщает: «Если у Вас готово сообщение “Из забытых свидетельств о Пушкине”, очень прошу Вас прислать для ознакомления. “Современница Пушкина” и послание Вяземского к Россет, боюсь, не подойдут для этого тома»¹⁷. В этом томе Дурьлин так и не принял участие (лишь как рецензент и консультант), хотя предлагал Зильберштейну ряд материалов по Гоголю и пушкинской эпохе. Упомянутая в письме статья «Современница Пушкина» — это, вероятно, исследование о Елизавете Кульман; характерно, что идея данной работы возникла у Дурьлина почти одновременно с первыми подступами к исследованию стихотворения Вяземского к А.О. Россет — в Томске в 1928 г. (о чем свидетельствуют его письма к И.Н. Розанову).

Смирнова И.А. А.О. Смирнова-Россет в русской культуре XIX века. М.: РГГУ, 2004. С. 506 — исследовательница независимо от Дурьлина руководствуется первым вариантом его умозаключений, склоняясь к 1831 г., до помолвки А.О. Россет.

¹⁵ РГБ. Ф. 369. Карт. 267. Ед.хр. 42. Л. 4.

¹⁶ РГБ. Ф. 369. Карт. 145. Ед.хр. 54. Л. 25, 26.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед.хр. 534. Л. 49.

Неизвестно, посылал ли Дурылин на просмотр Зильберштейну вариант статьи из «Звеньев» или текст был заново перепечатан. Послевоенная машинопись, если она и была изготовлена, нами не выявлена: в фонде С.Н. Дурылина в РГАЛИ хронологически последний вариант это тот, что был возвращен Бонч-Бруевичем в ноябре 1936 г., с вписанными и подклеенными вставками. В НИОР РГБ в фонде Дурылина хранится машинопись первой редакции статьи, в которой еще отсутствуют коррективы в связи с передатировкой стихотворения; в рукописном собрании Дома-музея С.Н. Дурылина в Болшево, как нам любезно сообщила А.И. Резниченко, текста данной статьи нет.

Само стихотворение Вяземского, справедливо высоко оцененное Дурылиным по своим художественным достоинствам, странным образом ускользнуло от внимания не только издателей его 12-томного собрания сочинений, но и последующих исследователей творчества поэта. Хотя автограф из собрания Тютчевых (судьба его нам не известна) не является уникальным источником текста. Стихотворение сохранилось и в архиве самого Вяземского¹⁸ — почти в той же редакции, которая имелась и у Дурылина.

Текст статьи С.Н. Дурылина печатается по машинописи с учетом вставок и авторской правки 1930-х гг.¹⁹ Отдельные авторские купюры приводятся в примечаниях, в нескольких случаях сохранены вычеркнутые Дурылиным слова (обозначены как *зачеркнутые*). В авторских библиографических ссылках проведена минимальная модернизация, уточнены номера журналов, томов и страниц, тексты цитат.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед.хр. 919. Л. 6 — черновой автограф (под заглавием «Орфографическое замечание»). Л. 7 — список с поправками Вяземского.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед.хр. 50. Л. 36–83. Тут же, л. 1–34 — первоначальный автограф в школьных тетрадах. Ед.хр. 51 — подготовительные материалы к статье (цитаты, конспекты, наброски).

Сергей Дурьлин

Стихи кн. П.А. Вяземского к А.О. Россет (Смирновой)**Орфографическое замечание**

Нет, ни Росети, ни Розети
Росетти попросту она:
Опасны умничанья сети
Где в блеске истина видна.

В счастливом имени прекрасной
К чему тут роза и роса?
Генеалогии напрасной
Ея чуждается краса.

И в утро первое вселенной
Подобных роз не разцвело,
Чтобы земли новорожденной
Венчать прелестное чело.

В стесненьи чувств непобедимом
Восторга, иль любви слезой
Увлажится-ль прозрачным дымом
Очей ея блестящий зной?

Слеза ея свежей и чище
Чем утра перваго роса,
Когда земля, духов жилище
Пила другия небеса.

На языке земнаго знанья
На языке земной мечты
Нет звуков, нет именованья
Для выраженья красоты.

Нет, разве трепетом невольным
Слезой, улыбкой, искрой глаз
Промолвим чувством безглагольным
Мы то, чему нет слов у нас.

Не мудрствуя скажи Россетти
И знай жив дух, а речь мертва:
Так в простоте сердечной дети
Лепечут имя Божества.

I.

Это неизданное стихотворение кн. П.А. Вяземского (1792–1878) печатается с его своеручного подлинника. Стихотворение писано на клочке бумаги без водяных знаков. Рукопись хранит следы работы поэта над стихотворением, которому тут же придана окончательная форма. В первой строфе Вяземский тщательно добивался надлежащего начертания фамилии Россетти, на котором построена вся игра стихотворения. Слова *Росети* и *Розети* переправлены в 1 стихе из *Росетти* и *Розетти*; во втором стихе *Россетти* выправлено из *Россети*. 3-й стих 1-ой строфы начинался зачеркнутым: некстати. Варианты 3-ей строфы значительны: 1 стих — «И в праздник юнаго творенья», с предшествующим: «И в юный празд.»; 3 стих начат был первоначально: «чтоб увенчать...»; 4 стих читался сперва: «Земли младенческой чело»; в окончательной редакции «прелестным челом» заменено «прекрасное чело». В строфе 6, в стихе 3-м, после «нет» отменен слог «не», начинавший какое-то слово (быть может, «нежных звуков»). После 6 строфы первоначально следовал иной набросок следующей строфы:

Уподобленья будут бедны
Слова иль
И всякий список отблеск бледный
Того

Строфы 2, 4, 5, 7, 8 писаны без помарок и отмен. На оборотной стороне листка — счеты, записанные не рукой Вяземского.

* * *

Листок со стихотворением Вяземского сохранился в бумагах О.Н. Тютчевой. К ней перешел он от матери ее, Софьи Львовны Путята, урожденной Энгельгардт (1811–1884), свояченицы и близкого друга Е.А. Боратынского¹. Не легко сходившийся с людьми, Боратынский был близок с кн. П.А. Вяземским; ему посвятил он свой сборник «Сумерки» (1842 г.). О близости Боратынского к Вяземскому свидетельствует многое — между прочим, следующие строки из письма первого к Н.В. Путя-

¹ [В автографе статьи далее вычеркнута фраза: «Своеручный подлинник Вяземского находится в тетради стихов, среди коих есть писанные рукою творца “Эдды”». Из этого замечания следует, что в семье Тютчевых литературные реликвии были объединены в тетрадь, содержание которой, к сожалению, нам неизвестно.]

те (мужу Софьи Львовны, приятелю и свояку Боратынского): «В одном письме Вяземского к Тургеневу помещено несколько строк для меня особенно благоволительных. Скажи ему при случае, что я был ими очень тронут и что они сохраняются в том чувстве, которое так хорошо назвали сердечной памятью»². Трижды воспетая Боратынским С.Л. Путята (р. Энгельгардт) была предана поэзии. Боратынский посвящал ее в свой творческий труд (см. его письмо к ней в 1-м выпуске «Мурановского сборника», 1928 г., изданное мною, стр. 30–32), знакомил со своими новыми созданиями, в их числе — и с «Посланием к кн. Вяземскому» (1831; там же)³. «Орфографическое замечание» Вяземского дошло до Софьи Львовны, почти бесспорно, через Боратынского, получившего листок от автора. Впрочем, свояченица Боратынского и жена знакомого Вяземского, Н.В. Путяты, она могла получить стихи и непосредственно от сочинителя.

* * *

«Орфографическое замечание» — неожиданный и прекрасный вклад в ту маленькую, но драгоценную антологию, которую сплели вокруг имени Александры Осиповны Россет (Смирновой) (1809–1882) русские поэты: Жуковский, Плетнев, Пушкин, Соболевский, В. Туманский, Хомяков, Мятлев, Лермонтов, И. Аксаков, гр. Е. Ростопчина и др. Вяземский был прилежнейшим из вкладчиков в эту антологию. С именем Россет у Пушкина связано 4 стихотворения, у Жуковского — 2-3 стихотворных шутки, у Хомякова — 3 стихотворения, у остальных поэтов — по одному⁴. Вкладов Вяземского доселе было известно шесть: 1) 1828 г. — «Черные очи»; 2) 1830 г. — «К А.О. Росетти» («И молча бы легко вы умницей прослыли...»), «Литературная газета», 1830 г. № 14; 3) 1830 г. — «К А.О. Росетти» («Красою смуглою румянца»), «Северные Цветы» 1831 г.; 4) 1833 г. — «Прощание» (А.О. Смирновой), «Новоселье», 1833 г.; 5) 1844 г. — «А.О. Смирновой» («Что делает ваш скучный кашель»), Собрание соч. Вяземского, т. IV. СПб. 1880 г. [с. 273]. — О *шестом* стихотворении надо говорить подробнее.

В 1874 г., в ряду страниц «Из старой записной книжки», престарелый Вяземский поместил в «Русском Архиве» (кн. 5, стб. 1337–1340) очерк «Donna Sol». Отрывки «Из старой записной книжки» Вяземский печатал

² Русский архив. 1867. Стб. 291. [Январь 1844. Париж.]

³ [Публикация С.Н. Дурьлина «Письмо Е.А. Боратынского к С.Л. Энгельгардт» (Мурановский сборник. М., 1928. Вып. I. С. 30-32).]

⁴ [Существенно больше шуточных стихотворений обращено к Смирновой И.П. Мятлевым. Три из них были опубл. в «Русском вестнике». 1889. № 11, еще ряд остаются неизданными: хранятся в фонде Смирновой в НИОР РГБ.]

безыменно⁵, а очерк «Donna Sol» включал в себя, сверх того, целый ряд «безыменностей». Безыменен был автор очерка; не было названо имя той, кто скрывается под «Donna Sol»; автор этого прозвища тоже был утаён: «Кто-то из нас прозвал смуглую, южную, черноокою девицу Donna Sol» (стб. 1337). К очерку было прибавлено стихотворение:

Вы — Донна Соль, подчас и Донна Перец!

Оно тоже было безыменно: оно соединялось с прозаическим очерком, который сам по себе был стихотворением в прозе, лаконической фразой: «Вот шуточные стихи, которые были ей поднесены». Вся эта цепь безвестностей вскоре начала раскрываться. Последнее звено ее теперь нужно считать раскрытым. В 1883 г. «Donna Sol» вошла в VIII том сочинений *кн. Вяземского*. Инкогнито *автора* прозвища, данного красавице, тоже может считаться раскрытым: «кто-то» был сам *Вяземский*⁶.

«Donna Sol» была А.О. Россет. Но кто был автором превосходного безыменного мадригала, заканчивавшего очерк? Мы не найдем его в томах «Полного собрания сочинений *кн. Вяземского*», отданных его стихам, но напрасно бы мы искали его также в собраниях стихов других поэтов Пушкинской поры. Его *безвестность* — такого же порядка, как все раскрытые уже безыменности очерка «Donna Sol». В текст стихотворений Вяземского оно не вошло так же, как и другие его стихотворные шутки, приведенные уже им на страницах «Записной книжки». Литературное предание издавна и единогласно усвоит стихотворение «Вы — Донна Соль» Вяземскому. Во всей литературе, старой и новой, о поэтах пушкинского созвездия нет ни единого противопоставления. Если сопоставить стихотворную шутку о Донна Соль с тем, что Вяземский говорит о ней в очерке, шутка окажется лишь стихотворным *resumé* сказанного в прозе. Стихотворение написано, вероятно, в 1830 г., во всяком случае — не позже июля 1831 г., когда был официально объявлен «счастливцем», который «надежный путь проложил» к «сердцу» «Донны Перец»: Н.М. Смирнов.

Итак, это — 6-ое стихотворение Вяземского, посвященное Россет.

⁵ Как раз к очерку «Donna Sol» издатель «Русского Архива» сделал такое примечание: «читатели в праве требовать, чтобы названо было наконец имя автора Записной книжки; но мы не можем до сих пор удовлетворить законному их любопытству». Против этого «удовлетворения» был автор, и Бартевев, по его настоянию, поддерживал легенду, что отрывки доставляет в «Русский Архив» некто из Саратова, и печатая «Donna Sol», заявлял: «Не знаем, как и благодарить Саратовского доставителя этих очерков, заметок и рассказов».

⁶ См. Сочинения Вяземского. СПб., 1884. Т. VIII. С. 128; «Остафьевский Архив». СПб., 1899. Т. III. С. 590, прим.; предисловие О.Н. Смирновой к ее «Запискам А.О. Смирновой». СПб., 1895.

Этими шестью стихотворениями не исчерпывалась стихотворная дань, принесенная Вяземским А.О. Россет. В своей автобиографии она рассказывала Н.Д. Киселеву: «Вяземский находил мой голос очень увлекательным и прислал мне в Павловск стихи:

И голос ее
Слаще Торкватовых октав,

больше ничего не помню, и потом другие, которые начинаются

Не для меня, так для кого же
И платье красное при черной бахроме»⁷.

Кроме этих осколков, уцелевших в памяти А.О. Смирновой, ничего не сохранилось от этих двух стихотворений Вяземского.

Из круга сохранившейся его поэтической «Россетианы» «Орфографическое замечание» является *седьмым*. Оно займет едва ли не *первое* место в антологии Вяземского и одно из первых — в общей антологии, посвященной Россет. Это — один из самых блестящих *мадригалов* пушкинской эпохи и одно из счастливых вдохновений Вяземского.

Время написания этих стихов и их место в жизни и поэзии Вяземского лучше всего определяется из краткого очерка отношений кн. П.А. Вяземского к А.О. Смирновой.

II.

В 1828 г. А.О. Россет была назначена фрейлиной ко двору императрицы Александры Федоровны. Фрейлина того же двора, С.Н. Карамзина, дочь историографа, ввела ее в салон своей мачехи, Е.А. Карамзиной, в этот «приют тихий беседе посвященный», по выражению гр. Е.П. Ростопчиной, где собирались Жуковский, Пушкин, Плетнев, Виельгорский, Хомяков и др., а впоследствии — Лермонтов, Тютчев, Ю. Самарин и др. Россет (ей было тогда 19 лет) сделалась украшением салона Карамзиных и, для многих, его притягательным центром. Кн. П.А. Вяземский был родственник, постоянный посетитель Карамзиных: Е.А. Карамзина приходилась ему однокровной сестрой. Здесь он и встретился с Россет. Вскоре после первого знакомства Вяземский уже посвятил ей стихотворение «Черные очи»:

⁷ А.О. Смирнова-Россет. Автобиография. (Неизданные материалы). Подготовила к печати Л.В. Крестова. С предисловием Д.Д. Благого. М., 1931. С. 252. [Смирнова-Россет 1989: 443]

Южные звезды! черные очи!
 Неба чужого огни!
 Вас ли встречают взоры мои
 На небе хладном бледной полночи?
 Юга созвездье! Сердца зенит!
 Сердце, любяся вами,
 Южною негой, южными снами
 Бьется, томится, кипит.

Это стихотворение — первый цветок, которым начат венок, сплетенный русскими поэтами «северной деве с южными очами». Примечательно, что венок начат Вяземским. Вяземский же и докончил его плетеньем, старческой рукой вплетая в него последний цветок — свою «Donna Sol».

Пушкин отвечал на «Черные очи» известным мадригалом «Ее глаза», посвященным сравнению «южных звезд» Россет с «глазами Олениной».

Стихотворение Вяземского открыло гирлянду его вдохновений, выражавших чувства, вызванные в нем Россет. В гирлянду вплетались в разное время и чувство, определенное Пушкиным как «благоговенье перед святыней красоты», и тонкое восхищение обаянием женственности, ума и характера, и крепкая, нерушимая годами, мыслительная близость и приязнь, и длительная приверженность дружбы, и — на недолгий срок — более яркое чувство изящного увлечения, — «любви легкой», как говорили в старину.

Пушкин, В.Туманский, Хомяков воспевали звездящиеся «черные очи» Россет, но только один Вяземский пронес ее образ до конца жизни, как лучшее достояние молодости. Никого из приближавшихся к Россет поэтов обаяние ее не захватывало сильнее и длительней, чем Вяземского: «благоговенье перед святыней красоты», легкая, изящная влюбленность перешла, с годами, в прочное дружество, в трогательную и чистую приверженность, сквозящую всюду в его стихах и письмах.

Чем была для Вяземского Россет в три года (1828–1831) частых встреч у Карамзиных, в трехлетье, к коему относятся 5 из 7 стихотворений, посвященных им Россет-Смирновой, он не скрыл на старости своей и ее, напечатав в 1874 г. (ему было тогда 82, ей — 63 года) свою «Донну Соль». «В то время, — признается здесь поэт, — расцвела в Петербурге одна девица, и все мы, более или менее, были военнопленными красавицы; кто более или менее уязвленный, но все были задеты и тронуты»⁸. «**Все**» — повторяет Вяземский — стало быть, не исключает и себя, но

⁸ То же самое Вяземский говорит в стихах:
 Вы — Донна Соль, подчас и Донна Перец!
 Но все нам сладостно и лакомо от вас,
 И каждый мыслями и чувствами из нас
 Ваш верноподанный и ваш единоведец.

оставляет на произвол читателя определять, кого же отнести к «более» и кого к «менее» «уязвленным», кого признать «более» и кого «менее» длительным «военнопленным» красавицы. Если «военный плен» поэтов измеряется количеством стихов, восславляющих этот плен, то Вяземский выдал себя с головою: семь раз, а считая «Донну Соль» и два недошедших до нас стихотворения, даже десять раз, восхвалил он свой плен. У других поэтов и прославлений меньше, и сила хвалы в них не та.

У Пушкина «Ее глаза» — мадригал полемический, направленный *против* «черноокой» и во славу «Олениной моей». «В тревоге пестрой и бесплодной» — прямой мадригал, но мадригал не красоте, не «пленению красавицей», а похвала благородному характеру, «простому сердцу», «свободному уму», вышучивающему придворную толпу со «злостью самой черной». В «Экспромте» («Полюбуйтесь же вы дети») — только шутивное констатирование (как сказали бы теперь и как не говорили тогда) факта:

Черноокая Россетти
В самовластной красоте
Все сердца пленила эти,
Те, те, те и те, те, те.

«От вас узнал я плен Варшавы» — три сопроводительных строки, не более, и Пушкин тут же обещал Смирновой: «Когда найду еще два стиха, то пришлю их вам», но он так их и не нашел: учтивая любезность не сложилась даже в законченный мадригал. Легкий обзор стихов Пушкина, связанных с именем Смирновой, показывает, что это имя не могло войти в его «Дон-Жуанский список». Биография Пушкина подтверждает, что он не был в числе «военнопленных».

В числе, если не «овеннопленных», то «военнообязанных» был Хомяков:

О, дева-роза! для чего
Мне грудь волнуешь ты
Порывной бурей страстей,
Желанья и мечты?

В другом стихотворении он отдавался «чудной грезе встревоженной души»:

Кто вольный, гордый и высокий

Эти строки — одно из доказательств принадлежности Вяземскому стихотворения «Вы — Донна Соль».

Твоей плененный красотой,
С душою девы одинокой
Сольется пламенной душой?

Но уже в 1831 г. Но в третьем тот же Хомяков писал о ней, как о чуждой «Иностранке»:

И тщетно луч живого света
Из черных падает очей, —
Ей гордая душа поэта
Не посвятит любви своей.
И не посвятила.

Жуковский узнал Россет прежде Вяземского и Пушкина, еще в 1826 г. Он ласково звал ее «Девушкой-Черनावушкой», называл «милая из милых, умная из умных, прелестная из прелестных», и, как передает Тургенев, «у него мелькала даже мысль жениться на ней, но это было мимолетное мечтанье»⁹. «Мечтанье» это было столь «мимолетно», что не вызвало у поэта ни одного «мечтательного» стихотворения, обращенного к Россет. Поэзия верно отразила действительность: дружеские шуточные записочки в стихах — вот чем отвечала «небесному дьяволенку» Муза Жуковского. «Военнопленным» он был на миг и знал это:

Россети страшно как мила...
А я не потерял свободы
И вместо пламенные оды
На блеск живых ее очей,
Без всяких нежных комплиментов
Даю, как добрый, без процентов
Взаимы ей тысячу рублей.

Дар — не «военнопленного», а доброго дядюшки или отчима.

«Все были задеты и тронуты», по словам Вяземского, «самовластной красотой» Россет, все — «более или менее». Место Вяземского, вместе с А.И. Кошелевым, в числе «более» тронутых. Выше нам пришлось уже переменить, в его рассказе о Россет, «кто-то» на «Вяземский». Так нужно поступать и дальше, читая его очерк: не «кто-то», а сам Вяземский «хвалил ее черные глаза, иногда улыбающиеся, иногда огнестрельные», — и не только в стихах хвалил. Однажды он спрашивал в письме приятеля

⁹ Предисловие к письмам Смирновой к Жуковскому. «Русский Архив». 1902. Вып. 5. С. 95.

своего Муханова: «Что черные глаза? что глаза голубые, синие, красные, белые, пегие, карие, сивые?»¹⁰. Все «глаза» взяты Вяземским за одну скобку усмешливого безразличья, все — за исключением «черных»: о них первый вопрос и особый. И дальше: не «кто-то», а сам Вяземский хвалил «стройное и маленькое ушко, эту аристократическую женскую приметку, как ручка и ножка»; не «кто-то», а Вяземский «любовался ее красивою и своеобразною миловидностью». Не «иной», а поэт Вяземский «готов был, глядя на нее, вспомнить старые, вовсе незвучные стихи Востокова и воскликнуть:

О, какая гармония
В редкий сей ансамбль влита!»¹¹

«Она любила русскую поэзию и обладала тонким и верным поэтическим чутьем. Она угадывала (более того, она верно понимала) и все высокое и все смешное... Наша красавица умела постигать Рафаэля, но не отворачивалась от Теньера, ни от карикатуры Гогарта, и даже Кома. Вообще увлекала она всех живостью своею, чуткостью впечатлений, остроумием, нередко поэтическим настроением. Прибавьте к этому, в противоположность, не лишенную прелести, какую-то южную ленивость, усталость. В ней было что-то Севильской женственности. Вдруг эта мнимая бесстрастность расшевелится или теплым сочувствием всему прекрасному, доброму возвышенному, или ошестинится скептическим и язвительным отзывом на жизнь и людей. Она была смесь противоречий, но эти противоречия были, как музыкальные разнозвучия, которые под рукою художника сливаются в какое-то странное, но увлекательное созвучие». На этой миниатюре на слоновой кости умещена с прекрасной ясностью Россет пушкинской эпохи — умная красавица, блистательная художница *causegic*, фрейлина большого двора, вдохновительница и чаровательница больших и малых поэтов. У этой Россет Вяземский был преданнейшим из «верноподанных». «Единоверие» его могло быть названо другим словом.

Колючий Вигель занес в свои «Записки» о Вяземском: «С ними (женщинами) только был он жив и любезен, как француз прежних времен; с мужчинами холоден, как англичанин; в кругу молодых друзей был он русский гуляка»¹². Пушкин был не недруг, а друг Вяземского, но, подобно Вигелю, отмечал в Вяземском изящный, старо-французский дар

¹⁰ Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П.И. Щукина. Вып. IX. М., 1901. С. 196.

¹¹ [Измененная цитата из стихотворения А.Х. Востокова «Услаждение зимнего вечера» (1803).]

¹² Записки Ф.Ф. Вигеля. Издание «Русского архива». М., 1892. Ч. IV. С. 123.

живой и тонкой беседы с женщинами. Недаром с беседы Татьяны с Вяземским начинается в «Онегине» восхождение ее звезды на московском небосклоне:

У скучной тетки Таню встрета,
К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел;
И близ него ее заметя,
Об ней, поправя свой парик,
Осведомляется старик.

Вяземский оценил Татьяну лучше, чем любомудрствующие «архивные юноши». Поверим наблюдению Пушкина и на место Татьяны подставим А.О. Россет: она была ровесницей Татьяны. В салоне Карамзиной

К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел.

Еще более «она заняла его душу». Если беседа Вяземского с женщинами, даже на недружелюбный взгляд Вигеля, была «жива и любезна, как у француза прежних лет», то в Россет он встретил такой блеск и ум ответной беседы, что, автор книги о Фонвизине, он не усомнился удочерить ее славному остроумцу и сатирику, прозвав «Александрой Денисовной Фонвизиной», а попросту — «матушкой Фонвизиншей»¹³.

В стихах то же самое звучало: «Вы — Донна Соль, подчас и Донна Перец». Россет была донна Соль — настоящая, острая, тонкая аттическая соль, но она же была в то время для Вяземского настоящею донной Соль из испанской романтической драмы В.Гюго: «в ней было что-то от Севильской женственности»¹⁴.

1830 г. — был первый, когда Вяземский больше был склонен ценить в Россет не аттическую соль, не «придворную Sévigné», а романтиче-

¹³ [Характеристики, о которых А.О. Смирнова вспоминает в своих записках: Смирнова-Россет 1989: 360. Подобные сравнения есть и в письмах Вяземского; см.: Там же. С. 692.]

¹⁴ К своему очерку он взял эпиграфом стихи Гюго о подлинной Донне Соль: Oh! Je voudrais savoir, ange au Ciel réservé, Où vous avez marché, pour baiser le pavé. (О, ангел, предоставленный небу, — желал бы я знать, где ты ходила, чтобы целовать ту землю). [В.С. Нечаева предполагает, что аллюзия на юную героиню «Эрнани», невесту престарелого герцога, имела биографический контекст: «Прозвище, вероятно, связано с предполагавшимся в это время [1830], но несостоявшимся браком Россет с богатым и близким [императору] Николаю кн. С. М. Голицыным, бывшим на 35 лет старше нее»: *Вяземский П.А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 427.]

скую «черноокою и желтоланитною» (его выражение) Донну Соль, едва не из Севильи.

Недавно найденная Л.В. Крестовой автобиография А.О. Смирновой открыла тайну, которую и сама Александра Осиповна, и ее дочери тщательно скрывали, — тайну ее любви к Н.Д. Киселеву, единственной ее любви-страсти, давшей ей и счастье и горе и едва не разрушившей ее положение в обществе и при дворе. Значительнейшая часть автобиографии написана в форме диалога с Киселевым: Смирнова отвечает на расспросы любимого человека, знакомя его со своим прошлым. Однажды они «писали, сидя очень близко друг от друга. Его щека, — рассказывает Смирнова, — касалась моей. Я вдыхала его чистое и сладостное дыхание». И вдруг Киселев спросил ее: «Повидимому, Вяземский писал вам больше стихов, чем другие?» Это был вопрос ревности к прошлому. Смирнова ответила умно и тонко, почти так, как писал сам Вяземский в «Donna Sol»: — Да, это великий мастер английского флёрта. Флёрт значит кокетство или, лучше сказать, это значит: речи о любви, а мы сделали из этого слова глагол «флертим». — «А вы флертуете со мной?» — прервал ее Киселев, ставя знак равенства между собой и Вяземским. — «Я боюсь, что ничего другого я и не делаю», отвечала Александра Осиповна. — «Я и за это благодарен до нельзя». Она рассказала ему далее о стихах, сочиненных ей Вяземским:

Не для тебя, так для кого же
И платье красное при черной бахrome?

И, чтоб успокоить Киселева, примолвила: «Вяземский написал эти стихи, я их дала Катрин Мещерской, и они затерялись». Но Киселев, не без ревности, спросил: «Вяземский, вероятно, не очень был польщен этой небрежностью?» И Александра Осиповна сочла нужным усилить успокоение: «Какое это имело для меня значение? Я пренебрегала еще многими стихами». Эта великолепно записанная сцена ревности — к прошлому, и одна единственная в автобиографии: Киселев ревновал Александру Осиповну только к Вяземскому. Имя его мелькает в их разговорах. «Знаешь ли, Николай, — обмолвилась однажды Смирнова, — что сказал мне Вяземский: когда любишь, то восхитительнее всего то, что предшествует формальному объяснению. Ну, так вы мне еще не объяснились, но я знаю, что вы меня любите, я угадываю это». Незаметно для себя самой, Смирнова провела здесь параллель между Вяземским и Киселевым. В другой раз это сделал Киселев. Смирнова прочла ему стихи, посвященные ей Вяземским. В них были строки:

Не знаю, что сказать, не знаю, не умею
 Мысль наскоро одеть, убрать и расцветить,
 Дать образ таинству, которым тихо зрею...

Киселев выслушал до конца и повторил: «Дать образ таинству, которым тихо зрею», это так хорошо выражает мое чувство, не таю ли я в глубине души то, что вы не позволяете выражать...»¹⁵.

Чувство Киселева было любовь. Чувство Вяземского было каким-то соседним, если не таким же: по крайней мере, слова, преисполненные этим чувством, годились для выражения чувства Киселева. Памятниками этого чувства были не только стихи (их было так много, что Киселев по ним одним догадался о чувстве Вяземского), но и письма. Они до нас не дошли. Перед замужеством А.О. Россет Вяземский писал Пушкину (24 августа 1831 г., из Остафьева): «...ты, кажется, ревнуешь и к Голенькой (Е.М. Хитрово. — С.Д.). Я поздравлю ее и скажу, что ты часто пишешь мне о каком-то Mornaу. Впрочем, не беспокойся и не верь клевете: это, верно, Dona Sol смутила тебя, она и меня хотела поссорить с нею. Кстати о ревности, попроси ее, то есть Dona Sol, сжечь до замужества своего всю мою поэзию и мою прозу, а что они у нее залежались, знаю я потому, что она для смеха их кому-то показывала». Отвечая Вяземскому, Пушкин обронил фразу, вскрывающую не один, а несколько конвертов этой переписки. «У Доны Sol был я вчера; писем твоих у ней здесь нет; она не намерена их сжечь et vous accuse de fatuité». Вяземский смутился своих писем к Россет как чересчур «верноподданнических», и как свидетельство этих именно чувств пожелала их сохранить Россет, — «дело в том, — комментировал Пушкин ее отказ, — что она чрезвычайно мила, умна...»¹⁶. Александре Осиповне не в первый раз было дразнить Вяземского его чувством к ней.

28 июля 1830 г., в Ревеле, Вяземский записал в дневнике: «шалунья Россети писала: “exploitez Wiasemski, il est aimable quand il ne le veut pas trop”. Дам же я ей за это»¹⁷. Это — фраза из-под пера «Донны Перец», уверенной в покорности «верноподданного».

Как раз в этом году «единоверец» писал ей:

И молча бы легко вы умницей прослыли.
 Дар слова, острота — все это роскошь в вас:

¹⁵ А.О. Смирнова-Россет. Автобиография. С. 251–253, 146, 196–197.

¹⁶ Сочинения Пушкина. Переписка. Под ред. В.И. Саитова. Изд. Академии наук. СПб., 1908. Т. II. С. 311, 318. [Перевод: и обвиняет тебя в фатовстве (франц.).]

¹⁷ Сочинения Вяземского. СПб., 1884. Т. IX. С. 134. [Перевод: Используйте Вяземского, он может быть любезным, если сам не слишком к тому стремится (франц.). В подлиннике записной книжки есть указание, что Россет писала это некоей Marie Cluet (?): *Вяземский П.А.* Записные книжки (1813–1848). С. 189.]

В глаза посмотришь вам и разглядишь как раз,
Что с неба звезды вы схватили.

Можно ли решительней и ярче предпочесть «севильскую женственность» остроумию Фонвизинши? В этом же году, — отмеченном Пушкиным как год, когда Россети

Все сердца пленяет эти,
Те, те, те и те, те, те, —

Вяземский написал и другое стихотворение «К Россети» («Красою смуглою румянца»), а вероятно, и третье — «Вы Донна-Соль».

Когда же написано было «Орфографическое замечание» — самое яркое, горячее, пространное и вместе прямое изъяснение его «верноподданничества» «самовластной красоте» Россет?

Первым, кто из круга Пушкина узнал Россет, был Плетнев: она училась у него русской словесности в институте. Он сохранил к своей ученице особое чувство — и однажды открыл его Пушкину: «Поблагодари Россети за ее ко мне дружбу. Ее беспокойство о моей судьбе трогает меня не на шутку... Если бы она была мужчиной, да стариком еще, то, кажется, в ней бы я нашел для себя другого Молчанова (близкий друг Плетнева, перед тем умерший. — С.Д.). В ней так много человеко-прекрасного, так много предупредяющего и столько душевной делимости, что, право, об ней нельзя говорить просто, как о других»¹⁸. Этот-то учитель и друг «черноокой Россети» писал 29 июня 1829 г. Вяземскому, из Петербурга: «Незнакомая красавица ваша уехала на нынешнее лето в милую вашу Ревель.

Орфографического вашего замечания не только она, но и я не знаю еще. Итак прошу при верной оказии (т.е. по первой почте) доставить его сюда для передачи, куда следует»¹⁹.

Письмо Плетнева, вызывающегося быть посредником между Россет, уехавшей в Ревель на купанья, и Вяземским, проводившим лето в подмосковной, дает таким образом хорошую хронологическую веху для нашего стихотворения: оно написано в конце весны — в начале лета 1829 г., в разгар «верноподданничества».

III.

Все стихотворение построено на изящной, во вкусе французской «легкой поэзии» XVIII в., игре корнесловием фамилии «Россети». Где корень прозвания красавицы — в *rose* или в *розе* — и соответственно

¹⁸ Пушкин. Переписка. Т. II. С. 283. Письмо от 19 июля 1831 г.

¹⁹ Старина и новизна. СПб., 1902. Кн. V. С. 64.

корню, как подобает писать: «Рос-ети» или «Роз-ети»?²⁰ «Верноподданный» превращается здесь в строгого «единоверца» и догмат его «единоверия» гласит: такое корнесловие есть ересь:

В счастливом имени прекрасной
К чему тут роза и роса?

Нужно, не мудрствуя, исповедовать, как святыню, имя Божества:

Не мудрствуя, скажи: Россети. —
И знай: жив дух, а речь мертва:
Так в простоте сердечной дети
Лепечут имя Божества.

Прелестный мадригал Вяземского — литературный сгусток той поэтической изустной словесности, которую сопровождали поэты каждый шаг «Александры Денисовны» в ее кружке. Некоторые из поэтических титулов Россет приведены выше. Вот дополнительный, далеко не полный их перечень: «царскосельский академик» (Вяземский), «южная ласточка» (Пушкин), «смуглорумяная красота» (он же), «черненькая» (Вяземский), «героиня, прелесть» (Жуковский), «другиня» (он же), «милая подруга» (он же), «муха в молоке» (он же), «обворожительница» (кн. А.Мещерский) и т.д. Люди не пушкинской державы, а иной, более суровой, гоголевской страны, сделались впоследствии не менее прилежными вкладчиками в поэтический титул Смирновой: «перл всех русских женщин» (Гоголь), «светлый ум» (С. Аксаков), «*Une dame de qualité*» (Белинский), «чудесная, превосходная женщина» (он же), «южная красота, вся оживленная блеском острой мысли» (И. Аксаков), «свободный ум» (он же) и др.

Мадригальное корнесловие фамилии «Россети» Вяземский не сам измыслил: он выразил в «Орфографическом замечании» то, что было, очевидно, достоянием и преданием поэтов вокруг Россет. И был в этом кружке молодой поэт особенно склонный к влюбленно-поэтическому корнесловию «росы» и «розы». Это был А.С. Хомяков.

Один из пламенных «единоверцев», который, по собственному признанию, «страстно влюбился в Россет», А.И. Кошелев вспоминал: «Во

²⁰ Друзья Александры Осиповны писали ее фамилию по-разному. Если у Плетнева мы только что прочли «Россети», то Гоголь, наоборот, предпочитал розовое корнесловие: «для Розетти» (1831 г. Письма Гоголя, под ред. В.И. Шенрока. Т. I. С. 188), «ласточка Розетти» (там же. С. 194). Всего курьезнее, что фамилию брата Александры Осиповны Аркадия Гоголь лишил «розового корнесловия» и писал: «через А.О. Россета» (Т. IV. С. 294) и «Россети» (Сочинения. 10-е изд. Т. II. С. 340).

время моего пребывания в Петербурге, с 1827-го по 1831 г., Хомяков часто жил там, и тогда почти ежедневно мы виделись или у князя Одоевского, или у Е.А. Карамзиной. У Карамзиной... из женщин особенно нас очаровывала и красотой и умом девица Россет»²¹. «Очарование» Хомякова несомненно, но своеобразно. К трем его стихотворениям к Россет шли бы эпиграфом слова Катюлла: «Odi et amo»²². У Хомякова была своеобразная, связанная с его мировоззрением, «любовь-вражда» к Россет. Она отражена в его стихах, вероятная последовательность коих такова: 1) «О, дева-роза, для чего», 2) «Она лукаво улыбалась», 3) «Иностранке». О замыкающем этот круг стихотворении друг Хомякова, Кошелев сообщает: «Хомякову она (Россет) внушила стихи “Иностранке”, но когда она их узнала от П.А. Муханова, то осталась ими очень недоволенной и некоторое время относилась к Хомякову весьма холодно» (там же). В первом стихотворении, где больше просто-«любви», чем «любви-ненависти», поэт обращается к Россет:

О, дева-роза! для чего
Мне грудь волнуешь ты
Порывной бурей страстей,
Желанья и мечты?

Во втором стихотворении, где больше «любви-вражды», — тот же образ, но осложненный: роза в неволе:

И думал я: «О, дева-роза!
Печален, жалок жребий твой.
За душною стеной темницы²³
Тебе чужда краса лугов,
Роса ночей, лучи денницы
И ласки вольных ветерков.

Титул «дева-роза» дает Россет только Хомяков. Пушкин, В.Туманский, Вяземский, Жуковский — они все — звездопоклонники, вернее, очепоклонники Россет. Для Вяземского Россет — не «дева-роза», а южная «живая ласточка», севильский «желтый померанец». Хомяков разделяет это звездное очепоклонство, но его первенствующий образ Россет — «дева-роза». В третьем стихотворении, «Иностранке», его «любовь-вражда» нашла столь сильное выражение, что «иностранка»

²¹ Сочинения А.С. Хомякова. М., 1900. Т. VIII. С. 125.

²² Перевод: Ненавижу и люблю (*лат.*).

²³ «Темница» — дворец Николая I, где жила фрейлина Россет.

осталась очень недовольна своим певцом. В нем, утверждая по-прежнему «святыню» ее «красоты» и только резко отстраняясь от нее как от «святыни» чужой, поэт по-прежнему же остается верен и своему образу «дева-роза». Он усиливает свой образ, прибегая к прежнему влюбленному корнесловию:

Вокруг нее очарованье,
Вся роскошь юга дышит в ней,
От роз ей прелесть и названье.

Через много лет, когда разворачивались страницы ее баденского романа с Киселевым, Смирнова, на его вопрос о Хомякове: «А тебе он писал стихи?» — ответила: «Написал, но я их не помню, он тоже коверкал мое имя и начинает так: ‘От роз ее название’, далее не помню»²⁴.

Вяземский был дружески расположен к Хомякову. В 1833 г., поручая А. Веневитинову передать Вяземскому экземпляр своей, только что вышедшей трагедии, Хомяков писал: «Если увидишь кн. Вяземского, скажи ему, что я более всех ему должен был прислать Самозванца, потому что никогда не могу забыть его дружеской благосклонности... Это не фраза, а чистая истина; его прием много мне тогда сердце отогрел». И тепло отозвавшись о дружбе Вяземского, Хомяков тут же вспомнил ту, которой один из них слал признание: «Амо», а другой «Odi et amo», вспомнил о Россет, ставшей Смирновой: «Ей скажи, что... что хочешь! Voilà du tendre, j'espère»²⁵.

На стихи близкого приятеля и «единоверца», на поэтическое корнесловие его прощального «odi et amo», кажется, и сделал Вяземский свое «Орфографическое замечание».

Для Хомякова, в приведенном трехстишии, истинное прозвание «Иностранки» есть *Розети*: «от роз ей... и названье». Вяземский возражает:

Нет, ни Росети, ни Розети,
Росетти попросту она.

²⁴ А.О. Смирнова-Россет. Автобиография. С. 173.

²⁵ Письмо от 19 февраля 1833 г. Сочинения Хомякова. Т. VIII. С. 35. «Ей» подчеркнуто и далее многоточие поставлено самим Хомяковым. [Предположение, что «ей» относится к Смирновой («вероятно»), высказано в примечании П.И. Баргенева к данному письму.] С годами эта «любовь-вражда» обернулась «дружбой», которою Хомяков «гордился» — его подлинные слова в письме к А.О. Смирновой от 1848 г. (Сочинения. Т. VIII. С. 414). [Перевод: Вот и будет нежность (*франц.*)]

С *росой* не сравнивал Россетти в стихах никто; с *розой*, как выше сказано, — сравнивал один Хомяков. Один он перенес в стихи и розовое корнесловие: Роза — Розети. К нему одному поэтому может относиться и дружеское увещание:

Не мудрствуя, скажи: Россетти
И знай...

Стихи Вяземского, исправляющие «орфографическую ошибку» полувлюбленной лирики Хомякова, должны быть написаны *после* нее. Этому противоречат как будто даты, принятые Собранием сочинений Хомякова. Его редактор, П.И. Бартенев, относит «К. А.О. Россети» («О, дева-роза, для чего...») и «Иностранке» к 1832 году, и лишь третье стихотворение: «Она лукаво улыбалась», оставляя без даты, помещает в отдел «стихотворений ранних»²⁶. Эта датировка — 1832 г. — невозможна: последний срок всех стихотворных изъяснений в любви или в любви-ненависти к *Россет* — это 26 июля 1831 года, когда, по словам Пушкина, императрица «позволила фрейлине Россети выйти замуж за Смирнова» и она стала его объявленной невестой²⁷. В январе 1832 г. она была уже его женой. Кошелев, близкий друг Хомякова, рассказывая, что «с 1827-го года по 1831 г.» Хомяков «часто живал» в Петербурге и встречался с Россет у Карамзиных, отмежевывает точные границы времени, когда была написана хомяковская «россетиана». В 1828 г. Хомяков отправился на войну, но как раз в начале 1829 г. (год написания стихотворения Вяземского) он был в отпуске в России: в марте-апреле жил в Москве и летом возвратился в армию²⁸. Очень возможно, что в этот отпуск он побывал и в Петербурге. Таким образом, вполне допустимо, что все стихи Хомякова к Россет (одно из них и сам Бартенев считает «ранним») написаны *ранее* начала лета 1829 г. — когда написано «Орфографическое замечание». Самое же *содержание* этого стихотворения, оспаривающего розовое корнесловие фамилии Россет, подтверждает это допущение: такое корнесловие находим у одного Хомякова: оно было у него в стихах так ясно, что его запомнила навсегда и сама Россет-Смирнова.

«Любовью легкою играя», Вяземский писал мадригал *Россет*. К *Смирновой* у него осталось прочное, теплое дружеское чувство и нелицемерная, неколебимая приверженность. Скоро предстояло ей испытание. В октябре 1832 г. Смирнова чуть не умерла от родов. Вяземский

²⁶ См.: Сочинения А.С. Хомякова. М., 1900. Т. IV. [С. 209–210, 409].

²⁷ Записки А.С. Пушкина. Собр. соч., изд. «Красной нивы». М., 1930. Т. V. С. 491.

²⁸ См.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 311.

писал А.И. Тургеневу: «А мы здесь сколько настрадались. Голубушка Смирниха напугала нас ужасно. Роды ее были самые бедственные... Теперь она спасена, и ей лучше. По крайней мере, жизнь спасена, а со здоровьем, Бог знает, что будет... Голубушка выдержала все мучения, все истязания с ангельским терпением и с геройским мужеством. Доктора говорят, что никогда не видали они ничего подобного, и что спасена она твердостью своею и присутствием духа. Не могу выразить тебе, каким умилением и благоговением был я исполнен к ней во всю эту эпоху ожиданий, страха и надежды! Удивительно, как во все это предпоследнее время возмужала она умом и укротилась нравом»²⁹. Тем же высоким чувством преисполнено письмо Вяземского к Жуковскому: «Ты верно знаешь о бедственном приключении нашей милой Смирнихи... Удивительно, как в этой малютке созрели ум и характер в это время испытаний и мучений. Точно, нельзя мыслить о ней без благоговения и умиления»³⁰. Это — прочувствованный, сердобольный голос живой дружбы-любви. Жуковский, питавший (подобно Гоголю) такое же чувство к Смирновой, точно выразил его в обращениях к ней: «любезнейшая другиня» (письмо от 9/VII 1843 г.), «милая подруга» (от 27/VIII того же года)³¹. Этим же чувством проникнуто стихотворение Вяземского «Прощание», написанное в самом начале 1833 г., на отъезд Смирновой, после болезни, за границу. Это уже не изящный, сверкающий мадригал, это, по верному определению самого поэта, — «грустный стих и задушевный вздох»:

Мне грустно, больно мне, мне душно на груди,
И сердце налилось слезами, будто чаша,
При мысли, что для нас уж завтра вы не наша,
Что долгая нас ждет разлука впереди.
Вот если эту скорбь глубокую, живую
Хотите вы назвать поэзией: будь так,
Примите вы ее, как сердца дань немую
И преданных вам чувств простой и верный знак.

Это — обращение к сердечно-чтимой «*другине*», а не к «самовластной» Донне-Соль. Но Вяземский искренен и, клеветца на себя, как на поэта, будто

В экспромтах никогда я не был парень ловкий, —

он говорит правду, когда признается:

²⁹ Остафьевский Архив. СПб., 1899. Т. III. С. 211–212.

³⁰ Русский Архив. 1900. Кн. 3. С. 365.

³¹ А.О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, письма. Со статьями и примеч. Л.В. Крестовой. М. 1929, стр. 343–344.

Влюблялся иногда экспромтом, — спора нет —

И, кажется, вы в том дать можете ответ.

Смирнова не возражала на эту память сердца, донесшую отголосок того чувства, которое заставило Вяземского написать «Орфографическое замечание».

Вяземский и во второй половине 30-х, и в 40-х, и в 50-х годах остается верен своей «другине». Когда они оба в Петербурге, он — непременный посетитель ее дома, прилежный собеседник. Когда она или он в отъезде, они в деятельной переписке, и письма их исполнены сердечной шутливости и участливой приверженности. Она постоянно следит за новыми созданиями Вяземского: стихами, статьями, воспоминаниями; она ставит высоко его талант и ум; на старости она вспомнит его дружеское имя среди великих имен: «Что за люди были когда-то. — Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Вяземский, Тургенев! А теперь какой-нибудь Пыпин или Стасюлевич. Такая дрянь, что только плюнь да отвернись». Приверженная дружба ее тем сильнее, что она не слепа: она не мешает ей записать в 1845 г. в дневник: «Обедала семейно по-старому у Карамзиных. Вечный спор о католиках и нашем духовенстве. Вяземский умный человек, но у него нет двух связанных мыслей в голове»³². И этому замечанию нельзя отказать в тонкой проницательности: Вяземский — человек мыслей, а не мысли. Вяземский, в свою очередь, следит за «трусами и днями» ее жизни семейной и общественной, за ее мыслью и умственными влечениями, и в этом сказывается не холодно-умное любопытство, так свойственное Вяземскому, а прямое дружеское участие. Оно также не делает его пристрастным к ней. Он не боится маленьких мыслительных ссор и противоборств ей. Иногда (письмо из Петербурга в Париж от 2/III 1837 г.) он журит Смирнову: «Не будь я так печален и в таком упадке духа, каким памфлетом разразился бы я против всего, что вы мне пишете по поводу сообщества с Скрибом. Умная женщина (точь в точь, как она о нем — «умный человек»)! — С.Д.), а какой вздор говорит, и все оттого, что ум засорился предубеждениями. Вам хочется, чтобы я судил о вещах и людях по комедии Скриба: это все то же, что судить о человечестве по Пурсоньяку»³³. Но не пристрастный к ней, он никогда не знал и безучастья. Он постоянно сообщает о Смирновой своему прилежному сописьменнику, А.И. Тургеневу. Однажды он в шутливом тоне делится худо скрытой тревогой за нее: «Наша черненькая опять принялась за старое и ходит с брюшком. Дай Бог ей в добрый час!»³⁴. В другой раз, делясь

³² А.О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания, письма. С. 155, 274. [Оценка Пыпина и Стасюлевича вычеркнута С.Н. Дурьлиным в машинописи.]

³³ Русский Архив. 1888. Кн. 2. Вып. 7. С. 301.

³⁴ Остафьевский Архив. Т. III. С. 254.

своим чувством неизменного участия к ней, он проговаривается о том, как много получает он сам от ее дружбы: «Смирнушка и ее два котеночка здравствуют. Она щебечет обо всем с прежнею прелестью и часто кормит меня и поит материально и умственно»³⁵.

Гр. Е.П. Ростопчина выразилась однажды о Смирновой:

Нет! не на сборищах людских
И не в нарядах дорогих
Она сама собой бывает:
Кто хочет знать всю цену ей,
Тот изучай страданье в ней,
Когда душа ее страдает³⁶.

Эти дни и месяцы, с годами все более и более частые, «когда душа ее страдает», Вяземский постигал чутко и верно, а, следовательно, знал Смирнову больше, чем знали ее другие (исключая, конечно, Гоголя). В свой черед, и она знала у блестящего и едкого causeur'a Вяземского эти часы и дни тоски сердечной и мыслительного уныния, невидимые для других. Если Вяземский, зная о глубокой тоске, пережитой Смирновой в Петербурге, участливо пишет ей в Берлин: «Очень рад, что ваше здоровье и настроение стали лучше, но боюсь за вас Берлина. Это в миниатюре Петербург» — то и она шлет ему оттуда такое письмо по поводу смерти его дочери, что он отвечает: «Из глубины сердечной благодарю вас за чувства, выраженные в ваших письмах. Меня глубоко трогает участие, которое вы мне оказываете». Вместе и единоскорбно, хотя и разделенные тысячами верст, переживают они общее горе — смерть Пушкина. Посылая Смирновой свое письмо с описаниями его дуэли и смерти, Вяземский поручает ей опровергать слухи, распространяемые недругами Пушкина³⁷.

Смирнова знает, как много значит для Вяземского ее дружеское участие, ее умная и теплая женственная помощь в нелегких «трудах и днях» жизни. В 1837 г. она пишет из Парижа Жуковскому: «Вяземский меня опечалил своим последним письмом; он, как говорят, *decouragé*, не в кураже; пора мне с ним свидеться и преобразить его. Я послала ему много вербальных нежностей чрез Киселева»³⁸. Вяземский высоко ценит эти «вербальные нежности» умной и верной «другини» и только шутивно

³⁵ Там же. С. 261. Смирнова родила 18 июня 1834 г. двух близнецов-дочерей, одной из коих была О.Н. Смирнова.

³⁶ [Измененный (по памяти?) вариант посвящения А.О. Смирновой («Нет, вы не знаете ее...», 1839).]

³⁷ Русский Архив. 1888. Кн. 2. Вып. 7. С. 295, 294, 304.

³⁸ Русский Архив. 1902. Кн. 2. Вып. 5. С. 98–99.

пеняет ей: «Как вам не совестно завладеть бедным Андреем. В Париже он видит только вас. Это вы захотели подразнить меня для того, чтобы возбудить во мне ревность»³⁹.

В 40-х годах у Вяземского отношения со Смирновой неизменно те же, что и во второй половине 30-х. Вот два примера — помельче и покрупнее.

Вяземскому так близко все, что относится к Смирновой, что Ф.И. Тютчев, новый добрый знакомец обоих, пишет жене (13/IX 1846 г.), прилагая известное стихотворение И.С. Аксакова, обращенное к Смирновой: «Вот кн. Вяземскому для развлечения стихи молодого Аксакова, того, что у Смирновой. По-видимому, они написаны после бурного спора»⁴⁰.

1 января 1845 г. Вяземский писал Карамзиным: «Смирнушка ужасно кашляет, и я на днях писал ей: “Что делает ваш скучный кашель”. Эти стихи ее ужасно растрогали, и она просила продолжения. Но я отказался за неспособностью и обещал ей просить Омира Андреевича докончить начатое мною»⁴¹.

Достаточно прочесть это маленькое стихотворение (последнее из посвященных Вяземским Смирновой), чтобы понять, почему эти стихи «ее ужасно растрогали»:

Что делает ваш скучный кашель?
Его я на душе ношу,
И как у сердца ни спрошу:
О чем грустишь ты? не о Саше ль?
Оно в ответ мне: точно так!
И зарыдаешь как дурак.

В стихах этих Вяземский, по-прежнему, блестящий мастер мадригала, но это уже не безоблачный, легко-влюбленный, весело слетающий с уст, мадригал Пушкинской поры, это — дружеский, сердечно-шутливый сквозь слезы, привет иной, более грустной поры — Лермонтовской поры; он и обращен не к скользящей по жизни, придворной «Донне Соль», а к узнавшей немало горя «Саше», у коей и Пушкин отметил «простое сердце».

³⁹ Русский Архив. 1888. Кн. 2. Вып. 7. С. 302. Андрей — А.Н. Карамзин (1814—854), сын историографа, племянник Вяземского, влюбленный тогда в Смирнову.

⁴⁰ Русский Архив. 1898. Кн. 3. Вып. 12. С. 558.

⁴¹ Сочинения Вяземского. Т. IV. С. VIII примечаний. «Омира» — Жуковского, переведившего тогда «Одиссею» Гомера.

Как напоминает этот привет по тону, по грусти и нежности, конец лермонтовского письма к другой, также испытавшей много горя, женщине:

Теперь прощайте: — если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так? —
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!

Донне Соль мадригалы льстили, Сашу — этот «матригал» «ужасно растрогал». Матригал, выйдя за порог Пушкинской поры, перестал быть мадригалом: он стал словом дружеской грусти, тихой ласковой шутки в слезах, как у Лермонтова. Так в стихах своих к Смирновой Вяземский, «звезда разрозненной плеяды», вышел за пределы пушкинской поры.

За порог этой поры перенес он и свое прекрасное чувство к бывшей Донне Соль, давно уже ставшей лицом не Пушкинской, *дневной*, а гоголевской, *сумрачной*, поры. От блеска мадригалов салона Карамзиных, от «царскосельской академии» Пушкина и Жуковского с ее изящным «россетством» мысли и разговора, она ушла в сумрачную келью, в мыслительный и творческий затвор Гоголя, она не миновала грустящего мятежа Лермонтова, не обошла семейственного «домостроя» Аксаковых, будничной гражданственности Ю.Самарина, не была безучастна ко всемирно-историческим мечтаниям и построениям Тютчева. Она начала как бы вторую свою биографию. Участниками первой — биографии фрейлины Россет — были Плетнев, Пушкин, В.Туманский, молодой Хомяков, Мятлев, Виельгорский; участниками второй — биографии А.О. Смирновой — стали Гоголь, Аксаковы, Самарин, Тютчев, А.Иванов — люди иного мыслительного строя и другого жизненного склада. Вошло в обычай говорить о биографии Россет, вдохновительницы Пушкина, — с сочувствием и даже с восхищением, а о жизнеописании Смирновой, собеседницы Гоголя, — с гримасой неудовольствия и насмешки. Дело будущего биографа-мыслителя и художника дать *единую* биографию Россет-Смирновой⁴². Вяземский, вместе с Жуковским, был в числе немногих участников этой *единой* биографии. В *гоголевский* пе-

⁴² Добросовестный очерк Л.В. Крестовой при «Записках» А.О. Смирновой (изд. 1929 г.) не решает этой задачи: это — первая наброска материалов (далеко не всех), сделанная на живую нитку. Сложные отношения Гоголя и Смирновой в очерке едва затронуты. Еще менее удовлетворителен очерк Н. Александрова: «А.О. Смирнова. Об ее жизни и характере» (Историко-литерат. сборник, посвящ. В.И. Срезневскому. Л.: Изд. Академии наук, 1924. С. 297–334).

риод Смирновой он перенес из *пушкинского* ее периода то же чувство приверженности к ней, то же сознание значительности ее личности, то же внимание к ее жизненному пути и ту же дружбу. Для него гоголевская «губернаторша Смирнова» не подменяла собою пушкинскую «фрейлину Россет», как это считало и считает большинство пишущих о ней, по тургеневскому почину⁴³. Вяземский и в Россет умел видеть то, что стало явно в Смирновой и что не заметили наблюдатели менее зоркие и менее сочувственные. Он писал уже о донне Соль, когда не было еще Смирновой: «Она выходила иногда в приемную комнату, где ожидали ее светские посетители, после урока греческого языка... Прямо от беседы с Григорием Назианзином или Иоанном Златоустом влетала она в свой салон и говорила о делах парижских с старым дипломатом или обменивалась с одним из своих поклонников загадочными полусловами, т.е. по английски *flirtation* или *отношениями* (курсив Вяземского. — С.Д.), как говорилось в то время в нашем кружке»⁴⁴. Точно так же и в Смирновой 60-х годов, уже давно похоронившей и Гоголя и вступившей в третью эпоху русской культуры, Вяземский, ~~вопреки другим и в соответствии с истиной~~, продолжал видеть все ту же «г-жу Фонвизину», ту же умную, мыслительно-тонкую Россет. В июле 1869 г., когда ему было 77, а ей 60 лет, он, живя в Ильинском, под Москвой, отметил в Записной книжке: «Был у ... Соболевского, от него узнал, что в Москве Смирнова. К ней поехал. Постарела, поседела, почернела, пожелтела, поюжнела, полимонела, но кажется сохранила всю свою умственную живость и бойкость»⁴⁵.

Эта запись — по языку и тону — точно из Пушкинской поры. И как видна сквозь нее та самая Россет, которую, тридцать восемь лет назад, в 1831 г., называл он «черненькой» и «желтоланитной», про которую полувлюбленно утверждал:

Красою смуглою румянца,
Смотрите, как она южна;
Она желтее померанца,
Живее ласточки она.

В его старческое впечатление от старой Смирновой вошло все то же, что воспринимал он и от юной Россет: и чернота глаз и волос, и желтизна

⁴³ [Вероятно, имеется в виду негативный отзыв о «смирновщине» Тургенева в письме к П.В. Анненкову 6 октября 1853 г., повторенный и в «Отцах и детях».]

⁴⁴ [Вся эта цитата вычеркнута С.Н. Дурьлиным в машинописи.]

⁴⁵ Сочинения Вяземского. СПб., 1886. Т. X. С. 269. Примечательно, что Л. Крестова не приводит вовсе этого важнейшего свидетельства для суждения о Смирновой 60-х гг., хотя из 157 стр. своего очерка посвящает целых две страницы (151–153) описанию жизни Смирновой в Москве именно в 1869 г.

ланит, и померанец, и юг в лице и взорах — только все это «постарело», но «живость ласточки» осталась: она и в старости «сохранила всю свою умственную живость и бойкость».

В 1874 г. в последний раз воздал Вяземский печатно дружескую хвалу Россет-Смирновой, не называя ее и себя, в очерке «*Donna Sol*». Ему было 82 года.

Лета к холодной прозе клонят.

Хвала была в прозе, но проза была не «холодная», а теплая и гармоническая, как стансы Пушкинской поры.

Так в течение почти полвека (1828–1874) Вяземский остался певцом женщины — свидетельницы и участницы золотого века русской литературы. С напечатанием «Орфографического замечания» воскресает из столетнего забвенья одна из лучших, если не лучшая из песен певца Россет⁴⁶.

Когда-то Я.П. Полонский, знавший ее в 50-х гг., писал: «Кто такая эта Смирнова — об этом в России не знают только люди или безграмотные, или совсем равнодушные к литературе и к истории русского общества в тот период его развития, когда в наших великосветских гостиных появлялись Карамзин, Пушкин, Жуковский, Одоевский, Вяземский, Кольцов, Лермонтов»⁴⁷. Слова Полонского останутся справедливы навсегда: Смирнову будут не знать лишь те, кто не знает или не хочет знать великую русскую литературу.

Литература

Богомолов Н.А. Из комментаторских заметок. 4. К публикации статей С.Н. Дурьлина о символизме // Литературный факт. 2017. № 4. 277–290.

Вяземский П.А. Записные книжки (1813–1848) / Изд. подготовила В.С. Нечаева. М.: Издательство АН СССР, 1963. 508 с. («Литературные памятники»)

Гончарова Т.П. С.Н. Дурьлин в Мураново // С.Н. Дурьлин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / Сост., ред. А.И. Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 84–100.

Дурьлин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост. А.И. Резниченко, Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с.

⁴⁶ [Далее вычеркнута фраза (а потом зачеркнут и весь заключительный абзац): «Ее воскресение совпало с появлением сборника, впервые объединившего и сделавшего доступными для рядового читателя записки, дневник и малое число писем А.О. Смирновой (Россет)».

⁴⁷ «Рассказы А.О. Смирновой в записи Я.П. Полонского» // Голос Минувшего. 1917. № 11–12. С. 143.

Кошелев В.А. А.С. Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М.: НЛЮ, 2000. 512 с.

Кутанов Николай [= Дурьлин С.Н.]. Декабрист без декабря // Декабристы и их время. Л.: Общество политкаторжан, 1932. Т. 2. С. 201–290.

Мотейуняйте И.В. Поэты «Арзамаса» в осмыслении С.Н. Дурьлина: В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский как литераторы // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Арзамас; Нижний Новгород: Растр, 2015. С. 368–376.

Смирнова И.А. А.О. Смирнова-Россет в русской культуре XIX века. М.: РГГУ, 2004. 556 с.

Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / Изд. подготовила С.В. Житомирская. М.: Наука, 1989. 790 с. («Литературные памятники»)

«Я никому так не пишу, как Вам...»: Переписка С.Н. Дурьлина и Е.В. Гениевой. М.: Центр книги Рудомино, 2010. 544 с.

References

Bogomolov N. Iz kommentatorskih zametok. 4. K publikacii statej S.N. Durylina o simvolizme [From the notes of a Commentator 4. About S.N. Durylin's Works on Symbolism]. *Literaturnyj fact*, 2014, no 4, pp. 277–290.

Durylin S.N. *Stat'i i issledovaniya 1900–1920 godov* [Articles and studies of 1900–1920], comp., introd. and comment. by A.I. Reznichenko, T.N. Rezvykh. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2014. 895 p. (In Russ.)

Goncharova T. S.N. Durylin v Muranovo [S.N. Durylin in Muranovo]. *Sergej Durylin i ego vremena: Issledovaniya. Teksty. Bibliografiya*. [Sergey Durylin and His Time. Studies. Texts. Bibliography]. Book I Issledovaniya [Studies], comp., ed. by A.I. Reznichenko. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010, pp. 84–100. (In Russ.)

Koshelev V. A.S. *Khomiakov, zhizneopisanie v documentakh, v rassuzhdeniakh i razyskaniakh* [A.S. Khomiakov, Life in Documents, Reasoning, and Research]. Moscow, NLO Publ., 2000. 512 p. (In Russ.)

Kutanov N. Durylin S.N. Dekabrist bez dekabrya [Durylin S.N. Decembrist without December]. *Dekabristy i ih vremena* [Decembrists and Their Time]. Leningrad, Obshchestvo politkatorzhan Publ., 1932, vol. 2, pp. 201–290. (In Russ.)

Moteyunajte I. Poety «Arzamas» v osmyslenii S.N. Durylina: V.A. Zhukovskij, K.N. Batyushkov, P.A. Vyazemskij kak literatory [Poets of the Arzamas Society Interpreted by S.N. Durylin: V.A. Zhukovsky, K.N. Batyushkov, P.A. Vyazemsky as Men of Letters]. *Literaturnoe obshchestvo «Arzamas»: istoriya i sovremennost'* [Literary Society "Arzamas": History and Modernity]. Arzamas, Nizhni Novgorod, Rastr Publ., 2015, pp. 368–376. (In Russ.)

Smirnova I. A.O. *Smirnova-Rosset v russkoj kul'ture XIX veka* [A.O. Smirnova-Rosset in the XIX Century Russian Culture]. Moscow, RGGU Publ., 2004. 556 p. (In Russ.)

Smirnova-Rosset A. *Dnevnik. Vospominaniya* [Diaries. Memories], ed. by S. Zhitomirskaya. Moscow, Nauka Publ., 1989. 790 p. Literaturnye pamyatniki Series [Literary Heritage Series]. (In Russ.)

Vyazemsky P. *Zapisnye knizhki (1813–1848)* [Notebooks, 1813–1848], ed. by V. Nechaev. Moscow, AN SSSR Publ., 1963. 508 p. Series “Literaturnye pamyatniki” [Literary Heritage series]. (In Russ.)

“*Ya nikomu tak ne pishu, kak Vam...*”: *Perepiska S.N. Durylina i E.V. Genievoj* [“I Write to No One the Way I Write to You...” S.N. Durylin and E.V. Genieva Correspondence]. Moscow, Rudomino Book Centre Publ., 2010, 544 p. (In Russ.)

S.N. Durylin’s Unpublished Article about P.A. Vyazemsky’s Poem “A Remark on Orthography”

© 2018, Sergey Panov

Abstract: Durylin’s article published herewith is devoted to P.A. Vyazemsky’s poem. The paper considers various versions of the article which help to reconstruct the methods of research that Durylin as a historian of literature used to apply in his studies: the main attention was paid to the historical and biographical context combined with the close analysis of the literary text. The fact that the article finished in 1929 remained unpublished, gives an idea of the situation in the Soviet editorial policy of the 1930–1950s in the field of scholarly editions on cultural history.

Keywords: S.N. Durylin, P.A. Vyazemsky, A.O. Smirnova (Rosset), Russian literary history, scholarly heritage, publication of archived materials

Information about the author: Sergey I. Panov, PhD, senior research fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: litfact@gmail.com

Citation: Panov Sergey. S.N. Durylin’s Unpublished Article about P.A. Vyazemsky’s Poem “A Remark on Orthography”. *Literary fact*, 2018, no 10, pp. 321–354.